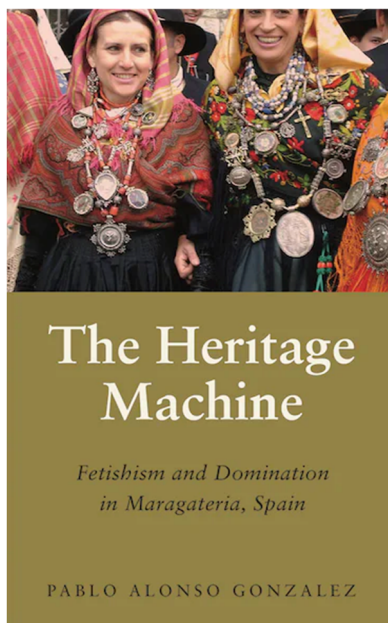

Рецензия
УДК 001.8+93
doi: 10.17223/2312461X/42/16

Критические исследования наследия и теория фетишизма

Pablo Alonso Gonzalez. *The Heritage Machine: Fetishism and Domination in Maragateria, Spain* (Anthropology, Culture and Society). Pluto Press, 2018.
eBook ISBN: 9781786803016

Благодарности: Рецензия подготовлена в рамках НИР №-490-99-2021–2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»).

Для цитирования: Мочалова М.А. Критические исследования наследия и теория фетишизма (Рец. на: Pablo Alonso Gonzalez. *The Heritage Machine: Fetishism and Domination in Maragateria, Spain* (Anthropology, Culture and Society). Pluto Press, 2018. eBook ISBN: 9781786803016) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 318–327. doi: 10.17223/2312461X/42/16

Acknowledgments: The research was carried out within the project "Images of Future and Creative Practices: Anthropological Analysis of Social Design and Scholar Creativity under Uncertainty" at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (theme No. H-490-99_2021-2023) with financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030").

For citation: Mochalova M.A. (2023) Critical Heritage Studies and Fetishism Theory (Review of Pablo Alonso Gonzalez. *The Heritage Machine: Fetishism and Domination*

in Maragateria, Spain (Anthropology, Culture and Society). Pluto Press, 2018. eBook ISBN: 9781786803016). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2023. 4. pp. 318–327 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/16

Критические исследования наследия (critical heritage studies или, коротко, КИИ) – междисциплинарная сфера, сформировавшаяся в 2000-е гг., в которой и по сей день сталкиваются и переплетаются различные подходы социальных и гуманитарных наук. В центре внимания КИИ находятся отношения людей, сообществ и институтов по поводу всего, что понимается сегодня под наследием: историческая архитектура и местности, языки, культурные артефакты и практики – от ремесел до пищевых привычек – и даже звуки и запахи, попадающие в категорию чувственного наследия (см. Vendix 2021). Критическими эти исследования во многом стали называться из-за перехода от концепции «наследия-как-вещи» к концепции «наследия-как-процесса», предложенного херитологом Лораджейн Смит в ее книге «Uses of Heritage» (2006) (подробнее см.: (Колесник, Русанов 2022)). Исследовательница сформулировала критические положения о так называемом авторизованном дискурсе наследия (АДН), согласно которым понимание наследия как набора хрупких и, безусловно, ценных вещей, нуждающихся в защите и сохранении в неизменном виде экспертами, обладающими авторизованным (легитимным и признанным обществом) знанием и профессиональной квалификацией, должно быть деконструировано. Вместо этого наследие предлагается рассматривать как процесс культурного производства (Смит 2013), движущими силами которого являются различные акторы и институты, а значит, и их социальные отношения, иерархии, внутренние и внешние конфликты.

После выхода книги Смит прошло уже более 15 лет. За это время антропологические и этнографические исследования стали неотъемлемой частью дискурса наследия (подробнее см.: (Geismar 2015)). Сегодня исследователи наследия все чаще обращаются к кейсам локальных сообществ и низовых инициатив в сфере сохранения материальных и нематериальных культурных объектов (см., например (Heritage Regimes... 2013; Tolia-Kelly, Waterton, Watson 2016; Hafstein 2018)). Итоги подобных исследований подталкивают к поиску новых определений наследия и пересмотру уже устоявшихся, к расширению теоретических рамок КИИ, а порой приводят к критике основ самого направления. Именно таким исследованием, на мой взгляд, является рецензируемая книга испанского антрополога и режиссера-документалиста Пабло Алонсо Гонзалеса, вышедшая в 2018 г. в издательстве Pluto Press, название которой можно перевести как «Машины наследия: фетишизм и доминирование в Марагатерии, Испания».

Автор скромно позиционирует свою работу как еще одну историю о регионе Марагатерия – районе (комарке) провинции Леон и Кастилия, расположенной на северо-западе Испании, где проживают марагаты. Это

коренное население, упоминаемое в исторических источниках с XVII в., чей диалект в лингвистической классификации относится к леонской ветви астурилеонского языка, распространенного на территории Испании и Португалии и признанного нуждающимся в защите. Гонзалес рассказывает историю о регионе и его людях, фокусируясь на проблеме «онаследивания» (heritagisation) – так называют превращение мест, вещей и практик, которые ранее были частью бытовой жизни локальных сообществ, в объекты наследия, нуждающиеся в особом отношении человечества, трепетном сохранении, а также становящиеся неотъемлемой частью экономики туризма.

Термин «фетишизм» в названии отсылает к основной идее автора, которой определяется его взгляд на наследие. Собственно, Гонзалес переопределяет наследие уже во введении, используя марксистскую оптику, а именно концепцию товарного фетишизма (см.: (Маркс 1952: 79–83)). Наследие (точнее, сам процесс онаследивания) представляется Гонзалесом как пример фетишизации: объекты или практики отделяются от их социально-экономического контекста, попадают в новое поле, где они начинают доминировать уже в новом качестве и управлять жизнями связанных с ними людей. В целом, эта тема так или иначе раскрывается на протяжении всех разделов книги, представляющих различные региональные кейсы Марагатерии, но наиболее иллюстративной мне кажется восьмая глава. Она описывает «разрыв» между городом и селом с точки зрения наследия. Гонзалес рассматривает столкновение коммеморативного дискурса городских жителей, чьи предки жили в селах и покинули их в поисках лучшей жизни в городе, с бытом оставшихся на этих территориях людей, продолжающих вести свое хозяйство. На полевого материале автор показывает различные (по сути, полярные) взгляды на наследие селян и горожан. Он приходит к выводу, что последние, как правило, используют наследие как некий гегемонический дискурс, который навязывается сельским жителям, кардинально меняет и маргинализирует их жизнь.

Гонзалес обращается к теории Маркса, чтобы понять, что «на самом деле» представляет собой наследие. Он ставит под сомнение саму «критичность» этого направления исследований: определение наследия через отношения людей *по поводу* вещей кажется ему недостаточным. В такой оптике разрушается непосредственная связь наследия сообществ с их прошлым, потому что второе буквально теряет ценность *per se*, а важными становятся цели и способы использования прошлого в настоящем. Гонзалес утверждает, что современные теоретизирования в рамках критических исследований наследия зашли в тупик: связь между материальной культурой, наследием и прошлым стала как будто бы только дисциплинарной предвзятостью или субъективной конструкцией в сознании исследователя, а не исторической «объективной реальностью», которая

может быть проанализирована эмпирически. Своей работой он приглашает начать такую дискуссию, в которой большее внимание будет уделено отношениям *между* людьми и вещами, что должно помочь определить наследие как феномен.

Марксистскую критику капитализма в своем подходе Гонзалес дополняет латурианской (см.: (Latour 2013)): во введении он говорит, что использует оптику АСТ как бы в диалоге с марксизмом, и это позволяет ему рассматривать объекты наследия уравниваемыми в статусе и правах с людьми и вовлеченными в действие наравне с ними. Мне не удалось проследить заявленное использование АСТ в диалоге с марксистской фетишизацией на протяжении каждой из глав данной книги: на мой взгляд, автор скорее использует то один, то другой подход в зависимости от характера рассматриваемого кейса.

Подробному разбору теоретиков КИН посвящена вторая глава книги, «Возникновение наследия» («The Emergence of Heritage»). Провокационной кажется характеристика подхода Смит как «англо-саксонской академической апроприации Фуко “без кофеина”». Автор имеет в виду использование Смит понятия «правительность» («governmentality») при концептуализации АДН и концентрацию внимания исследовательницы на процессах обсуждения, означивания, регуляции, оценивания культурных объектов, при которых центральным актором оказывается государство. При этом, по мнению Гонзалеса, подход Смит не является «по-настоящему» фукольдианским, потому что ее позиция отказа от материальности наследия, которое всегда для нее остается «в голове», также ведет и к отказу от материальности процессов, связанных с «онаследиванием», которые происходят в реальности, а не только в дискурсивном пространстве. Более того, Гонзалес связывает такой подход к наследию как «всегда нематериальному» с худшим, по его мнению, проявлением капиталистической модерна – неизбежной ситуации, в которой хорошо слышны будут лишь голоса привилегированных сообществ и индивидов, а другие остаются тихими и незамеченными, а порой и вовсе маргинализированными, если это выгодно государству и локальным элитам.

В своей критике дискурсивности наследия Гонзалес настаивает на том, что если наследия как бы не существует, потому что есть лишь процесс его обсуждения, то те, кто создают язык для дискуссии – преимущественно ученые, эксперты, интеллигенция, элиты, – делают его сложным и профессиональным, а потому они и остаются теми, кто «владеет микрофоном». Другой причиной считать наследие тем, что приводит к угнетению некоторых групп, Гонзалес считает разрыв с материальной культурой и превращение предметов «обычной жизни» (например, хозяйственных) в атрибуты наследия. При этом автор указывает, что в процессе «онаследивания» капитал играет фундаментальную роль, что влечет за собой приоритетность конкретных, избранных форм экспертных,

академических и культурных знаний. Отказываясь от концепции «наследия-как-процесса», автор уже во введении дает свое определение, называя наследие «феноменологическим изделием, становящимся товаром». Суть наследия, таким образом, кроется в товарном производстве. Гонзалес предлагает сосредоточиться на том, чтобы, понять капиталистические социальные отношения, которые лежат в основе и делают возможным само существование таких товаров, как наследие.

В своем исследовании Гонзалес, как и Смит, также следует за Фуко и в главе «Возникновение наследия» (*The Emergence of Heritage*) говорит о наследии еще и как о «биополитической технологии контроля». Он расширяет это понятие, заменяя его термином, также вынесенным в название книги: технологии контроля становятся «машинами». Автор повторяет вслед за Марксом: социальные отношения между людьми проявляются как отношения между вещами, ценность социально осознаваема как нечто «естественное», содержащееся в товаре как продукте труда, а значит, люди и их работа реифицированы (овеществлены). Продолжая свои рассуждения, Гонзалес повторяет и другой тезис Маркса о критике идеала свободы, рожденного в эпоху Просвещения. Этот идеал основывается на возможности свободной продажи своего труда трудящимися индивидами (см.: (Маркс 1952: 84–85)). С развитием индустриального производства такая логика неизбежно приводит к вытеснению человека из процесса труда машинами, которые теперь как будто становятся производителями ценности. При этом сами машины принадлежат тем, кто имеет власть и капитал и управляет людьми. Машина – очевидный продукт капитализма, как и «машина наследия», которая вмещает в себя все практики по отбору, оценке и наделению ценностью объектов и получению через них прибыли при включении в туристическую индустрию. Следуя марксистской диалектике, Гонзалес демонстрирует, как устроена индустрия наследия: те, кто доминирует в глобальной иерархии ценностей, используют тех, кто производит эти ценности. Таким образом, наследие представляется одновременно как то, что появилось благодаря капитализму, и как то, что поддерживает его. Деконструкция наследия у автора происходит в рамках предложенной им ценностной критики (*value critic*): Гонзалес утверждает, что приход капитализма, продуктом которого является сама концепция наследия, как правило, устанавливает систему как бы абстрактного (или автоматического) господства (по закону капиталистической ценности), которое является внешним и находится вне контроля и осознания субъектов, даже если они воспроизводят его в своих социальных отношениях. «Машина наследия» в таком случае начинает в буквальном смысле осуществлять контроль, пересобирая жизнь сообщества, у которого «обнаружено» наследие, и устраивая его экономику в соответствии с запросами индустрии. Подробному разбору такой ситуации посвящена глава 9 («The

Heritage Machine in Val de San Lorenzo»), основанная на исследовании политической экономики наследия и рассуждениях автора о возможностях экономической эксплуатации при капитализме, которую порождает онаследивание. Гонзалес рассматривает кейс развития туристической активности в местечке Валь-де-Сан-Лоренсо, где традиционно были развиты текстильные ремесла. Экономические изменения в поселении, связанные с ростом туризма, автор характеризует как переход от продуктивной экономики к постпродуктивной, при котором местные элиты воспользовались возможностями индустрии наследия, чтобы вытеснить более бедных ремесленников, накапливать капитал и реинвестировать его в туристический бизнес.

Авторская концепция наследия как феноменологического изделия, становящегося товаром, должна открыть новые возможности для исследования низовых инициатив, появляющихся там, где нет «больших игроков» и специальных институций, связанных с наследием. Складывается впечатление, что автор уверен, что любое «проявление» наследия – это попытка встроиться в капиталистические отношения через «машину». Но так ли это? Сводимы ли чувства людей по поводу наследия к «ложному сознанию», порожденному капитализмом? Так, важности эмоциональной сферы в связи с наследием посвящена книга Смит, которая вышла в 2020 г. В ней исследовательница демонстрирует аффективную природу наследия как действия (*performance*), заряженного эмоциями (Smith 2020)¹.

Вопрос изучения низовых («неофициальных») инициатив в сфере коммеморации (любительской археологии, вернакулярных музеев, архивов, частных реставрационных проектов и др.) становится все более актуальным в последние годы из-за роста количества и разнообразия самих практик по всему миру наравне с нарастанием количества тревожных высказываний в академическом сообществе о «перепроизводстве» наследия и, по выражению Регины Бендикс, «потере самих себя в бесконечном цикле онаследивания всего» (Bendix 2021: 48). Исследование Гонзалеса можно поместить в это же поле тревожных высказываний. Автор утверждает, что исследуемый им кейс сложно или даже невозможно изучать в рамках авторизованного дискурса наследия Смит еще и потому, что влияние публичных институтов и официальных государственных инициатив в сфере работы с культурным наследием локальных сообществ в Марагатерии крайне низкое. При этом автор сам указывает на то, что Испания является «рекордсменом» среди стран южной Европы

¹ Параллельно Смит отвечает на критику ее якобы очевидных и тупиковых попыток лишить наследие материальности. Она считает, что в основе подобной критики лежит неверная характеристика ее работ как основанных на социально-конструктивистской эпистемологии и релятивистской онтологии, в то время как их философской основой всегда являлся критический реализм (Smith 2020: 21).

по количеству инвестиций в культурную сферу и сохранение наследия в пересчете на душу населения и занимает второе место (первое за Италией) по количеству культурных объектов в списках всемирного наследия ЮНЕСКО. Стоит разобраться, что же оставляет случай Марагатерии, по мнению Гонзалеса, за рамками аналитических возможностей АДН, но нуждается в использовании марксистской теории фетишизма, вступающей в диалог с АСТ.

Марагаты, от которых комарка получила свое название, исторически занимались разведением мулов (*agüería*) и перевозкой грузов через горы с северо-восточных побережий Испании в Мадрид. По мнению Гонзалеса, культура марагатов вплоть до второй половины XX в. считалась архаичной и «примитивной» из-за сохранения некоторых черт «доисторической формации», в частности матриархата, так как женщины марагато традиционно управляли сельским хозяйством. В целом, «примитивность» марагатов является частью стереотипа о некой отсталости представителей астурионского региона, простоте и непрестижности их исторического образа жизни и занятий (разносчики, бродячие торговцы, погонщики мулов и т.д.) и закрытости их сообществ. Также в копилку «отсталости» попадает расистский миф о том, что само название этнической группы «марагаты» произошло от латинского слова *mauricatus* – «уподобившийся мавру». Этот «налет» мавританского происхождения и в прошлом, и по сей день лишает марагатов «испанскости», подчеркивает их инаковость, что на протяжении всей истории сказывалось на отношении к ним власти и церкви, а сегодня добавляет региону экзотичности, но так или иначе укладывается в рамки внутренней колонизации.

Уже в конце XIX в. из-за строительства железной дороги из портовой провинции Галисия в Мадрид люди (прежде всего, молодое поколение) стали покидать регион в силу ненужности горных перевозок и невысокой рентабельности сельского хозяйства. В XX в. этот процесс набирал обороты, несмотря на проекты по развитию деревни при режиме Франко: население региона, оставшегося аграрным и сельским, продолжало сокращаться в силу отсутствия активной модернизации хозяйства и, как следствие, трудовой миграции в центральные районы Испании, Северную Европу и страны Нового света, хотя в Марагатерии стали постепенно появляться дороги, электричество, медицинские и образовательные учреждения. При этом сам Франко, как указывает Гонзалес в третьей главе («Раса, этничность и национализм в Испании»), посвященной подробно разбору формирования «инаковости» марагатов, был горячим поклонником марагатской культуры: при создании некоего национального образа франкистской Испании власть обращалась к марагатскому фольклору, проводила гастроли музыкантов и танцоров по всей Испании и за рубежом. Фольклоризация местной культуры никак не сказалась на улучшении экономики региона, и люди продолжали

покидать Марагатерию в поисках лучшей жизни. После восстановления демократии в 1975 г. в Марагатерии, как и в других сельских районах Испании, произошло общее улучшение условий жизни за счет перераспределения финансирования в стране. Однако любые процессы экономического развития были ограничены отсутствием молодых людей, высоким уровнем безработицы и большим количеством пенсионеров. Реформа административного устройства по созданию в Испании автономных коммун (Марагатерия – часть коммуны Кастилия и Леон) не изменила общее управление экономикой в регионе: сообщества оставшихся жителей все еще были достаточно закрытыми, а распределением получаемых из центров средств продолжили заниматься влиятельные местные политики («casiques»).

В таком положении регион оказался в новых реалиях 1980-х гг., когда в Испании, как и во всем мире, стали принимать новые законы о наследии. В поле зрения составленных списков объектов культурного наследия попало лишь несколько деревень Марагатерии с их немногочисленными объектами типа церквей и средневековых военных построек. В 90-е гг. регион был включен в программу Евросоюза LEADER¹ по переориентированию сельских общин на туристический бизнес и услуги, так как через Марагатерию проходит часть известнейшего туристического пути Сантьяго-де-Компостела, включенного в 1993 г. в число памятников всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако, по мнению Гонзалеса, участие в программе мало чем помогло региону. Более того, автор утверждает, что вся риторика программы про инклюзивность и соучастное проектирование туристических локаций осталась лишь в громких лозунгах, а местные жители зачастую даже не знают названий мест, известных в туристическом бизнесе, целей их (ре)организации и в целом их устройства.

Гонзалес прямо называет марагатов современными субальтернами, а также определяет наследие как то, что поддерживает их угнетенное положение. Марагаты не говорят на «языке» наследия, а потому не могут в полной мере высказать свои «за» или «против» тех или иных преобразований. В главах 4, 5 и 6 автор на примере различных кейсов аргументирует данный тезис, основываясь на разборе символов «народной традиции» и их использовании в индустрии наследия, истории органов общинного управления марагатов («Juntas Vecinales» – «Соседские советы») и «неудобном» военном наследии, связанном с реальной и метакультурной борьбой за власть и территории.

¹ «Liaison Entre Actions de Développement de l'Économie Rurale. Связи между активностями по развитию сельской экономики» (Программа по финансированию местного развития под руководством местных сообществ, создана по инициативе Европейского союза по поддержке децентрализованного управления проектами развития).

Гонзалес убежден, что рассказанные им истории из Марагатерии доказывают одно – будущее КИН в том, чтобы быть *против* наследия. Дальнейшая работа должна быть построена вокруг стремления деконструировать наследие, выявлять его способы управления социальным поведением, устанавливать возможности его давления на уязвимые группы, а также и тех, кто пока не попал в капкан онаследивания, но потенциально находится в группе риска. Такое яростное противостояние наследию автора восходит к работам Давида Ловентала, который по праву считается главным вдохновителем направления критических исследований наследия. Однако Гонзалес в центр своей критики помещает «продукты» новейшей реальности, которую сформировали в том числе и сами исследователи этого направления. В своем повествовании о Марагатерии Гонзалес рисует читателю ситуацию, в которой чем сильнее видимые стремления государства, активистов, ученых, обладающих властью и привилегиями, представить ущемленных «других» в рамках концепции наследия, тем под бóльшим давлением оказываются эти люди и сообщества, тем тише звучит их голос. Подобная алармистская риторика все активнее звучит в последние годы. Тревожность все чаще толкает исследователей к поиску новых языков описания проблемы наследия, поиску новых метафор или обращению к старым философским концепциям с их «настройкой» на современность, что и попытался проделать в своей работе Гонзалес. Его подход не является революционным и во многом идет в ногу с работами некоторых критикуемых им исследователей (Барбары Киршенблат-Гимлет, Валдимара Хафштайн и др.), не демонизирующих наследие, но работающих над его проблематизацией как индустрии добавленной ценности (*value-added industry*). Гонзалес при этом предлагает другой любопытный путь поиска решения, переводя концепцию наследия на марксистский язык, что все еще не делает его понятным для непривилегированных групп, но несомненно обогащает методологический аппарат академии.

Мочалова Мария Алексеевна

Список источников

- Колесник А.С., Русанов А.В.* Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3 (58). С. 58–69.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1952.
- Смит Л.* «Зеркало наследия»: Нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.
- Bendix R.* Life Itself. An Essay on the Sensory and the (Potential) End of Heritage Making // Traditiones. 2021. No 50 (1). P. 43–51.
- Heritage Regimes and the State / eds. by R.F. Bendix, A. Eggert, A. Peselmann. Göttingen: Universitäts-verlag Göttingen. 2013.

- Geismar H. Anthropology and Heritage Regimes // *Annual Review of Anthropology*. 2015. No 44 (1). P. 71–85.
- Hafstein V. Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO. Indiana University Press, 2018.
- Latour B. An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge: Harvard University Press, 2013.
- Smith L. Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites. 1st ed. Routledge, 2020.
- Heritage, Affect and Emotion: Politics, Practices and Infra-structures / eds. by D.P. Tolia-Kelly, E. Waterton, S. Watson. London; New York: Routledge, 2016.

References

- Bendix R.F., Eggert A., Peselmann A. (eds.) (2013) *Heritage Regimes and the State*. Göttingen: Universitäts-verlag Göttingen.
- Bendix R. (2021) Life Itself. An Essay on the Sensory and the (Potential) End of Heritage Making, *Traditiones*, vol. 50, no. 1, pp. 43-51.
- Geismar H. (2015) Anthropology and Heritage Regimes, *Annual Review of Anthropology*. vol. 44, no. 1, pp. 71-85.
- Hafstein V. (2018) Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO, Indiana University Press.
- Kolesnik A.S., Rusanov A.V. (2022) Nasledie-kak-protsess: diskussii o kontsepte kul'turnogo naslediya v sovremennykh sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Heritage-as-a-process: discussions about the concept of cultural heritage in modern social and human sciences], *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya*, no. 3 (58), pp. 58–69.
- Latour B. (2013) An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns. Cambridge: Harvard University Press.
- Marx K. (1952) *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii* [Capital. Criticism of political economy], vol. 1, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Smith L. (2013) Zerkalo naslediya: Nartsisticheskaya illuziya ili mnozhestvo otrazhenii? ["Mirror of Heritage": Narcissistic illusion or many reflections?], *Voprosy muzeologii*, no. 2 (8), pp. 27–44.
- Smith L. (2020). *Emotional Heritage: Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites* (1st ed.). Routledge.
- Tolia-Kelly D.P., Waterton E., Watson S. (2016) *Heritage Affect and Emotion: Politics, Practices and Infra-structures*. L. N.Y. Routledge.

Сведения об авторе:

МОЧАЛОВА Мария Алексеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author:

Mariia A. Mochalova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2023 г.;
принята к публикации 30 ноября 2023 г.

The article was submitted 4.09.2023;
accepted for publication 30.11.2023.